

ВЕРОНИКА ВАЛЕНТИНОВНА ЦУРКАН

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0096-960X; veravts2013@yandex.ru

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ПРОЗЕ А. БИТОВА 1960–1980-х ГОДОВ

Аннотация. В споре о «дневном» / «ночном» характере творчества А. Битова весомым аргументом может стать анализ эмоционального концепта «счастье», традиционно относимого к периферийным в художественном мире писателя и недостаточно полно изученного в литературоведении. Актуальность статьи связана с необходимостью пересмотра содержания и структуры указанного концепта в произведениях А. Битова 1960–1980-х годов. Цель работы: посредством метода концептного анализа, во-первых, исследовать процесс взаимодействия универсального и индивидуального начал в битовской трактовке феномена счастья, во-вторых, рассмотреть своеобразие фелицитарной модели художественного бытия в текстах писателя. В результате исследования сделан вывод, что пребывающий на границе эстетических систем А. Битов стремится найти компромисс между концепцией «управляемого» счастья и концепцией непредопределенности человеческой судьбы. Актуализируя ассоциативные, символические и аксиологические поля фелицитарного концепта, писатель все более убеждается в легитимности гипотетических вариантов и нереализованных поворотов в репрезентации счастья. Подлинным счастьем для автора и его героев становится возможность говорить с самых разных идеологических позиций, двигаться от одной идентичности к другой.

Ключевые слова: А. Битов, русская проза, концепт «счастье», Божественная норма, воплощенность

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и РЯИК научного проекта № 20-512-23007, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.».

Для цитирования: Цуркан В. В. Концепт «счастье» в прозе А. Битова 1960–1980-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 97–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.707

ВВЕДЕНИЕ

Проблема внутренней несвободы, разлада между сознанием и обстоятельствами жизни героя – сквозная в творчестве А. Битова. Мимолетные настроения, оттенки мыслей и чувств, психологические реакции дезориентированных персонажей, чья жизнь по воле автора полна несбывшихся ожиданий, не раз становились предметом исследования: М. Абашева связывала дисгармоничность мироощущения битовских героев с феноменом «утраченного я» [1: 94], Л. Аннинский – с «драмой безбытия» [3: 708], И. Роднянская – с «постепенным убыванием» в них жизни [7: 10]. Между тем утверждать, что суждения А. Битова о жизни сводятся исключительно к негативным трактовкам, значило бы упростить проблему. Несмотря на то что в битовских рефлексиях о «мучении быть человеком» (60)¹ вопрос о счастье порой отступал на второй план, он никогда не был для писателя риторическим. Он не раз подчеркивал собственную вне-

находимость по отношению к счастью («Любовь и счастье – это только в опыте, только те мгновения, когда меня не бывало» (293)) и в то же время не исключал возможности обретения счастья своими героями («Был ли счастлив Пиросмани? Конечно нет, но и не было человека счастливее его» (381)). «Счастливая измученность» (428) воображения в сочетании с незаурядным интеллектом, парадоксальность художественного мышления повлияли на особенности репрезентации битовского концепта. С одной стороны, писатель исходил из концепции, в которой соединялись гедоническая и эпикурейская концепции, «возводящие этимологическую семантику концепта к воле / желанию»², а с другой – из специфической модели бытия, в которой, для того чтобы что-то принять, «нужно сначала это отбросить, осознать его в качестве отброшенного, для того, чтобы родиться, нужно сначала умереть» [4: 156]. Множественность битовских интерпретаций счастья существенно расширяет поле фелицитарного дискурса современной

прозы и литературоведения, в котором концепт «счастье» представлен в ряде оригинальных исследований [2], [8], [10], [13], [14], [15].

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ПРОЗЕ А. БИТОВА 1960–1980-х ГОДОВ

Ядро и ближняя периферия концепта «счастье» в произведениях А. Битова совпадают с соответствующими им компонентами в русской картине мира, где счастье определяется как «чувство высшего, глубокого, полного довольства» жизнью³. К ядру битовского концепта принадлежат общие для всех языковых реализаций концепта базовые понятия «счастье» (55), «радость» (23), «восторг» (55), «везение» (186), «удовольствие» (173), «радость» (314), «наслаждение» (317), «удача» (381). К периферии – дополненные признаками индивидуального опыта и личного воображения описания сопутствующих состояний души: «головокружение полета» (50), «музыка сфер» (50), «высший порог» (50), «сладкая мука» (53), «блаженное опустошение»⁴, «пик, вершина, взрыв»⁵. Счастливый человек характеризуется как «баловень мира» (148), «любовник, чемпион, артист» (148), «счастливый дурак» (253). Можно предположить, что именно периферийные значения обусловят специфику индивидуально-авторского истолкования концепта. Но сначала обратимся к его базовому слою, отражающему универсальные, недоступные чувственному познанию характеристики счастья в текстах А. Битова.

Счастье как переживание полноты бытия, причастность к чему-то светлому и высокому

В повестях «Одна страна» (1960), «Призывник» (1959–1961), созданных в период оттепели в «счастливом», по словам Н. Ивановой, для А. Битова жанре «путешествия молодого человека» [6: 171], герои переживают упоение юношеской свободой, верят в братство и любовь людей друг к другу. Изумление и восторг сближают геолога Бориса Мурашова и вчерашнего студента Кирилла Капустина, открывающих неизведанный, яркий, пьянящий мир со всеми его запахами, цветами и красками. Не чувствуя зазора между иллюзией и реальностью, герой «Одной страны» видит небо, «как увидел его князь Андрей на Праценской горе»⁶, Кирилл Капустин испытывает радостное удивление, когда миг его жизни вдруг разрастается до беспредельности:

«Он стоял выше всего. Он мог смотреть в любую сторону, и ничего не заслоняло ему взгляда <...>.

А за теми горами – еще озера и еще горы. И все это – без конца. И вперед – без конца. И назад – без конца. Кирилл стоял как бы немного внизу и смотрел на себя вверх...»⁷

Счастье ассоциируется с понятиями «солнце», «небо», «полет», «улыбки», «радость», «тепло». В рассказе «Солнце» (1959) веселое и восторженное светило символизирует «сущность самой жизни» [11: 45]. Цепочка солярных образов, сопровождающих на протяжении дня юного героя (золотые прямоугольники на полу, солнечные блики на асфальте, блестящие кнопки на переходе, в которых загораются новые солнца), в совокупности с развернутым сравнением солнечных лучей с теплой, пульсирующей, как сердце, птицей выражают идею универсальной связи явлений мира, обогащают концепт семантикой жизнестроения, всеведения, бессмертия. С образом солнца «рифмуется» образ шара из рассказа «Большой шар» (1961). Центральную его часть составляет история путешествия Тони по сказочному городу. Волшебство момента усиливают ирреальный Недлинный переулок, звуки колокольчика, огромный шар с золотым корабликом, на фоне голубого неба напоминающий об огромном Земном шаре. Космические ассоциации, сближающие поля концептов «детство» и «счастье», подчеркивают значимость для писателя незамутненного, «преображающего взгляда на действительность» [5: 301]. Писатель дарит мечту о счастье не только Тоне, но и живущему «краденой жизнью» герою рассказа «Бездельник» (1961), ведь в детстве «живой был до самой последней клеточки», «чистый и хороший»⁸. Сюжет картины М. Шагала, оживающий в сознании инфантильного персонажа, помогает автору выразить тоску по идеалу:

«Я шел, шел – и вдруг полетел <...> Вижу женщину и пикирую... “Откуда вы?” – говорит она удивленно. “Оттуда, – говорю и показываю вверх. – Хотите, полетим вместе?” – “Хочу”, – говорит она. И мы летим, взявшись за руки. Ветер, простор, свобода!»⁹

Вместе с тем стремление к небесной высоте уже в ранних битовских произведениях сталкивается с осознанием неотвратимости жизненных утрат. В реальной жизни воздушные шары лопаются и висят, как «шкурка», а большие красные шары – «с брачком»¹⁰. Способность к счастью оказывается принадлежностью детства и исчезает вместе с ним. Путешествие в среднеазиатскую страну разрушает стереотипы, почерпнутые из книг Э. Хемингуэя и Дж. Сэлинджера. В противоположность увлеченным производственными успехами персонажам «молодежной прозы» В. Аксенова и А. Гладилина герои

А. Битова не в состоянии объяснить, почему мертвая пустыня называется целиной, тоненькая голубая полоска – морем, а лес фанеры – парком культуры и отдыха. Мечту о гармоничности и стройности мироздания, как отмечает Л. Аннинский, уже в первых битовских текстах «оплетает некая пустота» [3: 702], что подтверждает эпиграф к «Одной стране», взятый из книги о Пржевальском: «Вернувшись из путешествия, он впал в глубокую тоску по бескрайним просторам своих пустынь. Жизнь в имении была ему постыла»¹¹.

Близость переживания счастья к аффекту любви

«Я любил, я был любим. Невиданное счастье!» – восклицает герой травелога «Наш человек в Хиве» (210). В ранних произведениях А. Битова точкой пересечения концептов «счастье» и «любовь» становится универсальный топос райского сада. В рассказе «Бабушкина пиала» (1958) ужасам войны и эвакуации противопоставлен рай бабушкиного дома. Бабушка, хозяйка рая, «царит, ласкает, смеется»¹², излучая любовь: «Тут меня обняла какая-то ласковая, теплая волна и увлекла»¹³. Счастье передается через вкусовые и цветовые апперцепции. Герой радуется, видя «золотой стаканчик», из которого выглядывает «настоящий», «белый» сахар, и бабушкину пиалу, по которой, «крадучись, ходят парами странные ежики»¹⁴.

В ином ключе истолкован топос счастья в романе «Улетающий Монахов» (1960–1966):

«Был прекрасный сад, и они были там вдвоем <...> ощущение было прекрасным. В этом было сознание того, что этот сад приснится через десять, двадцать, тыщу лет, он случился с ними – счастье, но лучше не задумываться об этом»¹⁵.

Измена любви грозит Монахову ущербом в репутации (на это намекает эпиграф из Апокалипсиса к шестому рассказу) и изгнанием из сада-рая: «Сад как-то на глазах стал прошлым»¹⁶. Спустя годы в пустых лабиринтах детского сада в ожидании «вечной» своей возлюбленной Монахов будет вкушать оставшееся от полдника жесткое яблочко:

«Ева, – сказал он. – Адам <...>. Он укусил яблоко – ему показалось, что треск яблока раздался на весь этот мертвый дом. <...>. Он понял, что ничего не хочет и не ждет, и ему стало гадко от себя»¹⁷.

Мертвящее бесчувствие героя подчеркнуто и зеркальной соотнесенностью эпизодов романа, рисующих ожидание Алексеем Аси на лестничной клетке. Повзрослевшему Монахову становятся безразличны взгляды людей, которые могут

подумать, что он ждет тут кого-то «как мальчик»: «В том-то и дело, что я уже не мальчик»¹⁸. В критических суждениях о романе справедливо подчеркивалось, что чувства Монахова в каком-то смысле – проекция чувств самого автора. Действительно, с обезличенностью скомпрометировавшего себя персонажа спорит подлинность авторского существования. Высшим приоритетом для повествователя является «любовь, которая в нас и выше нас»¹⁹. Однако очень скоро и этот постулат подвергается сомнению: «Ведь если говорить всерьез <...> то это все было мимо, мимо»²⁰. Нельзя не согласиться с замечанием М. Эпштейна о том, что перебираемые и отбрасываемые рассуждения подобного рода (как в «Улетающем Монахове», так и в «Пушкинском доме») «демонстрируют смысл времени и мироощущения человека, существующего как бы в слагательном наклонении» [12: 276].

Счастье-удача

В поисках везения, удачи герои А. Битова готовы взорвать упорядоченный мир. Накал страстей, эмоции, целиком зависящие от исхода азартной игры, скрупулезно исследованы в повести «Наш человек в Хиве» (1971–1972), в рассказе о действительности обманчивой, мнимой, неистинной: «Игра шла не на деньги, а на сюжет, на судьбу, на совпадение в реальности – на жизнь и ради чувства жизни» (243). Фантомное счастье игрока писатель противопоставляет счастью победы в спортивном состязании. В повести «Колесо» душа победивших на мототреке спортсменов «поет», их внешность пленяет девушек:

«За ними голубело небо и зеленело поле. Они шли высокие, стройные, бледные, в импортных черных кожаных куртках и черных кожаных брюках, с лицами, вымазанными гарью, со сбившимися, длинными темными кудрями, – они были все похожи на летчиков, потерпевших аварию за тысячу километров от жилья <...>. Они были романтичны» (171).

Аксиологический аспект концепта «счастье» в повести «Колесо» опирается как на взволнованно-романтическое, так и на мифологическое начало. Увиденный с высоты птичьего полета стадион напоминает рассказчику «серое гнездо с одним сверкающим яйцом, наверное, птицы Рух» (155). Образ птицы из «Тысячи и одной ночи» коррелирует с мотивом превращения ушедших из жизни гонщиков в «летучих голландцев» (203) и, спроецированный на судьбу легендарного Деда, вдохновенная душа которого, «совершив четыре ласковых непостижимых круга, не искрошив льда» (205), навсегда покидает трек, наполняет концепт «счастье» мыслью о бесконечности человеческого духа.

С апологией великих рекорсменов и большого спорта в «Колесе», однако, спорит скепсис в отношении достижимости счастья для автора и торчащих на трибунах болельщиков. Их жизнь крутится вокруг собственной оси. Неслучайно повесть венчают слова из гетевского «Путешествия в Италию»:

«И все же мир – только простое колесо, равное самому себе по всей окружности; оно кажется нам необычайным потому только, что мы сами несемся вместе с ним»²¹.

Подчеркнуто литературный довод (перенос эпиграфа в финал повествования) акцентирует признак условности, мимолетности и непостоянства удачи-счастья, обнажает механизм авторской игры в «перевертыши».

Итак, при любом повороте фелицитарного сюжета в текстах А. Битова возникает ограниченность выбора, заводящая героев в тупик. С этой фатальной обреченностью спорит авторская «великая ностальгия духа, залетевшего ввысь» [3: 709]. В поиске не ограниченного внешними рамками счастья писатель стремится найти нечто, равное самому себе, – в творчестве, в путешествиях, в приобщении к жизни естественной, природной.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ»

Счастье творчества

Описывая, возможно, не слишком убедительно простое человеческое счастье, А. Битов довольно уверенно размышляет о счастье творца. В повести «Жизнь в ветреную погоду» предчувствие «чего-то гениального»²² в душе начинающего писателя сравнивается с пребыванием «на каком-то высшем пороге, за которым все и начинается <...> пороге нового мышления, нового мира»²³. Оказавшись, благодаря порыву вдохновения, на оси, «совпавшей с взглядом и ветром»²⁴, герой воспринимает эту «счастливую симметрию» как «пик, вершину, взрыв»²⁵. Раздумьями о счастье признания творческой личности пронизаны «Уроки Армении» (1969). Выстроенный в форме уроков языка, истории, географии битовский травелог начинается с апологии создателя армянского алфавита: «Тот человек (Месроп Маштоц. – В. Ц.) был подобен Богу в дни Творения» (16). В «Грузинском альбоме» (1980) писатель благословляет счастье неразрывности человека и искусства, рассказывая о творчестве трех великих грузин – Н. Пиросмани, Э. Ахвледиани, О. Иоселиани: «Их произведения так невыразимо и неуловимо ни на что не похожи, как народное слово.

Может, это и есть свобода, о которой художник может только мечтать?» (376). Понятие свободы в данном контексте синонимично понятию счастья.

Счастье слияния с землей

Путешествующий по Кавказу, автопсихологический герой А. Битова неоднократно сравнивает себя с персонажами русской классической литературы, аутентичной самой себе. «Счастливый журчанием и похрустыванием армянской речи» (20), он открывает страну реальных идеалов, «где все было тем, что оно есть: камень – камнем, дерево – деревом, вода – водой, свет – светом, зверь – зверем, а человек – человеком» (60). Равенство означающего и означаемого (чисто битовский эквивалент счастья) акцентируется в народных рецептах обретения гармонии в «Грузинском альбоме». Это «касание и слияние с землей» (315); следование унаследованному от предков образу жизни («не торопиться жить, не торопиться понимать, не торопиться отвечать» (314)); укрепление нравственных начал («быть честным как материал – не перебродить и не закиснуть» (316)). Наиболее ярко данная модель счастья реализуется в рассказе «Осень в Заоди», герои которого – «трудовые миряне, пившие и беседовавшие так ровно и достойно, как не мог бы быть достоин ни один лорд» (315) – словно сходят с известной картины Н. Пиросмани «Пир князей». Завод по производству вина «цвета осеннего листа» (315), сакрализуясь, уподобляется «кораблю мира», «театру», «мавзолею», «храму» (314). Чувства, испытываемые путешественником, столь сильны, что все предыдущие «въедливые расследования, сомнения и самодопросы» [7: 18], казалось бы, должны отступить перед этим апофеозом счастья:

«От счастья нельзя уйти самому, нет сил <...>. Не может отвернуться от счастья человек. Неужели такое, ради чего всю жизнь жили, может кончиться? Нет! Никогда! Никогда не предадим мы этого счастья сами!» (317–318).

Однако в битовской душе, обращающейся вокруг собственной оси, в который раз берут верх ностальгические настроения: «Разбудит нас утро, и окажется, что счастье миновало» (318). Виноват в этом не только Гоги, который, уходя в перспективу, «уносит» с собой счастье, но и время, что «течет и точит, и торопит предательство именно этого мгновения» (318).

Счастье приобщения к Божественной норме

Власть времени, по А. Битову, может быть преодолена в приобщении к дыханию Вечности.

У путешественника, оказавшегося в плену у вырастающего из простора Гехарда, благоговение перед чудом подавляет легкомысленный туристский восторг:

«Слева, как хор, поднимались скалы. Низкого, тенистого, плотного звучания внизу, они росли вверх, светлея и утончаясь, несколькими ступенями... наверху выветренные стрелы были уже как хор мальчиков; вправо и вниз, сворачиваясь спиралью, как раковина оркестра, лежало дно котловины: с духовым серебром ручья, зеленью, кудрявой, как флейта, спокойными и уверенными лбами ударных – валунов и глыб, – земная понятность придуманных инструментов, исчезающих в тайне человеческого голоса, как деталь в машине; как черта в лице, как лемех в земле – орудия труда и предмет того же труда. Все это пропадало в хоре скал» (91).

Рациональное начало, подвергающее мир «насилию анализа, расчленения, ограничения детали» (455), терпит крах. Похожий путь проходит герой раннего творчества А. Битова. Писатель ищет иное «обоснование пути к счастью в смысле достижения совершенства» [9]. Обещанием счастья становятся «ожидание» (212) и неторопливое самопознание «Я» через «возможность другой жизни» (83). Включая свое бытие в нечто, превосходящее физическое время и пространство, восхищаясь «предвечностью» древнего царства, автор «Уроков Армении» испытывает катарсис от осознания своих глубинных связей с Творцом и Вселенной:

«И я стал подобен ЕМУ, та же немота, то же отсутствие себя, та же вера жила теперь во мне, потому что я был заключен в его честный и чистый мозг, в его веру, в его цельную и единственную мысль, где никакая другая уже существовать не могла. Это было ЕГО бессмертие» (96–97).

В «Грузинском альбоме» счастье вновь презентуется как тонкий баланс, «остановка в полете», «трепетная норма», «та форма чувствования, при которой разве что не сходишь с ума» (267). Это состояние иррационально («трудно доказать это чувство: как всякое чувство, оно – недоказуемо» (313)); мимолетно («Я мечтал бы жить сию минуту. В эту минуту и только ею. Тогда бы я был жив, гармоничен и счастлив» (332)),

не терпит измены («Пиросмани сопутствовала удача, потому что он не изменил своему чувству счастья» (381)). Оно приходит к человеку лишь тогда, когда «усилие и результат обретают одно время и одну природу, *соответствуют*» (381–382).

ВЫВОДЫ

1. Перемещая центр тяжести душевной жизни поколения с общественного на частное, А. Битов ставит вопрос не столько об удовлетворенности или неудовлетворенности своих персонажей жизнью, сколько о их способности быть счастливыми.

2. Общее движение творчества А. Битова развивается как самоопределение. Обладающий богатым семиотическим ресурсом, концепт «счастье» находится в режиме постоянной актуализации. Выявить поэтическую уникальность феномена счастья через художественную универсальность в ранней прозе писателю помогают концепты «детство», «любовь», «творчество», «память», «игра», «судьба», «круг», ореол сопутствующих им ассоциаций, метафорических и метонимических значений. Утверждая, что ничто не существует само по себе, определяя истину через ложь, веру через неверие, любовь через нелюбовь, порой противореча общеизвестному, битовский герой ищет счастье в преодолении своей духовной разобщенности с миром.

3. В репрезентации концепта «счастье» А. Битов находится на границе реалистической и постмодернистской систем: стремление найти компромисс между концепцией «управляемого» чувства и концепцией непредопределенности человеческой судьбы приводит его к сомнению в понимании счастья, сформированного реалистическим дискурсом. Иницируя символические и аксиологические поля фелицитарного концепта, писатель все более убеждается в легитимности гипотетических вариантов и нереализованных поворотов в его воплощении. Подлинным счастьем для А. Битова и его героев становится возможность говорить с самых разных идеологических позиций, двигаться от одной идентичности к другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Битов А. Г. Путешествие из России. М.: Вагриус, 2003. 476 с. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

² Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е. Ф. Губского. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 2009. С. 816.

³ Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 1297.

⁴ Битов А. Г. Новые сведения о человеке: Роман. Повести. М.: Эксмо, 2005. С. 277.

⁵ Там же.

⁶ Битов А. Г. Нулевой том. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/nulevoj-tom-sbornik-read-364114-1.html> (дата обращения 20.08.2021).

- ⁷ Битов А. Г. Повести и рассказы: Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 83.
- ⁸ Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. М.: Фортуна Лимитед, 2002. С. 33.
- ⁹ Там же. С. 35.
- ¹⁰ Там же. С. 20.
- ¹¹ Битов А. Г. Нулевой том...
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. М.: Фортуна Лимитед, 2002. С. 112.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 136.
- ¹⁸ Там же. С. 132.
- ¹⁹ Там же. С. 122.
- ²⁰ Там же. С. 195.
- ²¹ Битов А. Г. Нулевой том...
- ²² Битов А. Г. Новые сведения о человеке... С. 276.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 277.
- ²⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 320 с.
2. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 117–125.
3. Аннинский Л. А. Странный странник // А. Г. Битов. Книга путешествий по империи. М.: АСТ Олимп, 2000. С. 699–712.
4. Бальшев А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века. СПб.: Филол. ф-т СПб. гос. ун-та, 2002. 171 с.
5. Васильева Т. И., Карпичева Н. Л., Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века. М.: Флинта, 2013. 356 с.
6. Иванова Н. Б. Точка зрения: О прозе последних лет. М.: Сов. писатель, 1988. 424 с.
7. Роднянская И. Б. Новые сведения о человеке // А. Г. Битов. Обоснованная ревность: Повести. М.: Панорама, 1998. С. 6–20.
8. Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.
9. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье: Трактат об усовершенствовании разума; Этика / [Пер. с гол. под ред. А. И. Рубина и лат. Я. М. Боровского, Н. А. Иванцова]. М.: Мир книги, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/benedikt_spinoza/page36/trudy.html (дата обращения 20.08.2021).
10. Цуркан В. В., Зайцева Т. Б. Концепт «Счастье» в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 10. С. 70–74.
11. Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб.: Академический проект, 2006. 320 с.
12. Эпштейн М. Н. Время самопознания // Дружба народов. 1978. № 8. С. 276–280.
13. Abramzon T. E. The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: The search for true bliss // Slavonica. 2018. Vol. 23. Iss. 1. P. 25–41.
14. Nettle D. Happiness: The science behind your smile. N. Y.: Oxford University Press, 2005. 216 p.
15. Veenhoven R. World Database of Happiness [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (дата обращения 20.08.2021).

Поступила в редакцию 10.09.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Veronika V. Tsurkan, Cand. Sc. (Philology), Associated Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0096-960X; veravts2013@yandex.ru

CONCEPT OF “HAPPINESS” IN ANDREY BITOV’S PROSE (1960s–1980s)

Abstract. The analysis of the emotional concept of “happiness”, which has been traditionally shifted to the periphery in the writer’s artistic world and not fully covered by literary studies, can become a weighty argument in the dispute about the “daytime” / “night-time” nature of Bitov’s works. The relevance of the article is connected with the need

to revise the content and structure of this concept in Bitov's texts of the 1960s–1980s. The purpose of the research was to use the method of conceptual analysis in order to study the process of interaction between universal and individual principles in Bitov's interpretation of the happiness phenomenon and consider the uniqueness of the writer's felicitous model of artistic existence. The study resulted in the conclusion that while staying on the border of aesthetic systems Bitov seeks to find a compromise between the concept of "manageable" happiness and the concept of indeterminacy of human destiny. Actualizing associative, symbolic and axiological fields of the felicitous concept, the writer is becoming more and more convinced of the legitimacy of hypothetical variants and unrealized turns in the representation of happiness. Bitov and his characters find genuine happiness in the opportunity to speak from different ideological positions and move from one identity to another.

Key words: Andrey Bitov, Russian prose, "happiness" concept, divine norm, embodiment

Acknowledgements. The paper was written as part of the research project No 20-512-23007 ("Phenomenology of happiness in Russian literature between the XVIII and the XX centuries") supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation for Russian Language and Culture in Hungary.

For citation: Tsurkan, V. V. Concept of "happiness" in Andrey Bitov's prose (1960s–1980s). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):97–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.707

REFERENCES

1. Abasheva, M. P. Literature in search for its face (Russian literature of the late XX century: evolution of author's identity). Perm, 2001. 320 p. (In Russ.)
2. Abramzon, T. E. To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry). *Libri Magistri*. 2015;1:117–125. (In Russ.)
3. Anninsky, L. A. The strange wanderer. *Bitov, A. G. The book of travels in the Empire*. Moscow, 2000. P. 699–712. (In Russ.)
4. Bolshhev, A. O. Confessional and autobiographical beginning in Russian prose of the second half of the XX century. St. Petersburg, 2002. 171 p. (In Russ.)
5. Vasilyeva, T. I., Karpicheva, N. L., Tsurkan, V. V. Anthology of artistic concepts of Russian literature of the XX century. Moscow, 2013. 356 p. (In Russ.)
6. Ivanova, N. B. Point of view: The prose of recent years. Moscow, 1988. 424 p. (In Russ.)
7. Rodnyanskaya, I. B. New information about a human. *Bitov A. G. Justified jealousy. Short novels*. Moscow, 1998. P. 6–20. (In Russ.)
8. Rudakova, S. V., Regecz, I. On studying the phenomenon of happiness. *Libri Magistri*. 2020;3(13):49–75. (In Russ.)
9. Spinoza, B. A Short treatise on God, man and his wellbeing: Treatise on the emendation of the intellect; Ethics. Moscow, 2010. Available at: http://read.newlibrary.ru/read/benedikt_spinoza/page36/trudy.html (accessed 20.08.2021). (In Russ.)
10. Tsurkan, V. V., Zaitseva, T. B. Concept HAPPINESS in K. Balmont's and V. Bryusov's poetry. *Philology. Theory & Practice*. 2020;13(10):70–74. (In Russ.)
11. Chances, E. Andrey Bitov: The ecology of inspiration. St. Petersburg, 2006. 320 p. (In Russ.)
12. Epshtein, M. N. Time of self-knowledge. *Friendship of Peoples*. 1978;8:276–280. (In Russ.)
13. Abramzon, T. E. The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: The search for true bliss. *Slavonica*. 2018;23(1):25–41.
14. Nettle, D. Happiness: The science behind your smile. N. Y., 2005. 216 p.
15. Veenhoven, R. World Database of Happiness. Available at: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (accessed 20.08.2021).

Received: 10 September, 2021; accepted: 20 December, 2021